

"Быть в мире, но не от мира". Доклад митрополита Илариона в университете города Лугано (Швейцария)

29 октября 2011 года в университете города Лугано (Швейцария) председатель ОБЦС митрополит Волоколамский Иларион после вручения ему докторской степени *honoris causa* прочел доклад на тему "Быть в мире, но не от мира". Текст доклада приводится ниже.

БЫТЬ В МИРЕ, НО НЕ ОТ МИРА

Прежде всего хотел бы сердечно поблагодарить епископа Луганского Пьерджакомо Грампу, великого канцлера богословского факультета Лугано, ректора монсиньора Аццолино Кьяппини, а также профессорско-преподавательский состав факультета за оказанную мне честь присуждения степени доктора богословия. Считаю, что эта честь оказана не столько мне и моим скромным трудам, сколько духовному авторитету Русской Православной Церкви, верным сыном которой я являюсь.

Христианская миссия

Церковь Христова послана в мир благовествовать о Царстве Божиим. Это служение благовестия является неотъемлемым свойством Церкви, поскольку основано на заповеди Воскресшего Христа Своим ученикам: «Идите, научите все народы...» (Мф. 28, 19). Церковь могла бы сказать словами апостола Павла: «Если я благовествую, то в этом нет для меня похвалы; это для меня необходимость: ибо горе мне, если я не благовествую» (1 Кор. 9, 16). Но если долг благовестия, вверенный Церкви самим Христом, не может ставиться под сомнение, то вопрос о конкретных путях исполнения этого долга встает всякий раз перед каждым новым поколением христиан. Каково место христианства в мире? Как Церковь смотрит на внешний мир? Как она может взаимодействовать с этим миром, чтобы осуществлять в нем свою миссию?

Необходимо подчеркнуть, что отношение Церкви к миру диалектично. С одной стороны, в Священном Писании ясно выражено отрицание этого мира: «Не любите мира, ни того, что в мире... потому что все, что в мире: похоть плоти, похоть очес и гордость житейская – не от Отца, но от мира» (1 Ин. 2, 15-16). Само понятие «мир» чаще всего наполнено негативным смыслом у апостолов Иоанна Богослова и Павла, а также в творениях многих древних христианских аскетов.

С другой стороны, полное и радикальное «бегство от мира» не только лишило бы Церковь

возможности полноценно исполнять свой миссионерский долг, но и угрожало бы расколу внутри самой Церкви. В том же Послании апостола Иоанна мы находим свидетельство о жертвенной любви Бога к миру как своему творению и заповедь любви к ближнему, то есть другому (1 Ин. 4; 9, 20). В творениях преподобного Исаака Сирина содержится призыв к состраданию ко всему творению, включая даже демонов.

Подлинно христианским подходом поэтому является тот, который в своей интерпретации слов апостола Иоанна Богослова: «мир во зле лежит» (1 Ин. 5, 19) предложил выдающийся русский мыслитель Владимир Соловьев: нужно различать «мир» и «зло», в котором он пребывает. Да, мир подвержен власти зла, но сам злом не является (см. его «Основы духовной жизни»). Миссия христианства заключается как раз в том, чтобы избавить мир от порабощения злу.

От христиан требуется взвешенная позиция, которая была бы трезвой и реалистичной. Церковь не может отождествлять себя с миром, ибо как сказано в Послании к Евреям, мы, христиане, «не имеем здесь пребывающего града, но иного взыскуем» (Евр. 13, 14). В то же время Церковь не может и дистанцироваться от мира, поскольку послана в мир, чтобы возвещать ему Слово спасения. Быть в мире, но не от мира – таково призвание Церкви. Оставаясь верной своим Божественным истокам и своей двухтысячелетней традиции, Церковь вместе с тем призвана быть всегда современной («своевременной»), более того – идти впереди своего времени и вести за собой людей. Это пророческое призвание, и исполняя его, Церковь должна в своей проповеди Слова Христова, «которое не пройдет» (Мф. 24, 35), исходить из тех условий, в которых пребывает современный мир, и говорить с ним его языком, чтобы эта проповедь была им воспринята. Мы, христиане, не можем романтизировать прошлое, когда Церковь обладала безусловным авторитетом в европейском обществе, и лишь осуждать настоящее, в котором культурная и социально-политическая ситуация претерпела значительные изменения. Наша вера призывает нас к действию в данных нам условиях, руководствуясь, прежде всего, даром «различения духов», позволяющим давать правильную оценку тому или иному явлению в мире.

Эпоха постмодернизма

Одной из характеристик современного мира является глобализация, обусловленная, прежде всего, высоким развитием средств коммуникации. Благодаря им, самые удаленные части мира стали гораздо ближе друг другу, а люди имеют мгновенный доступ к огромному объему информации. На первый взгляд кажется, что человечество все больше становится единой семьей, живущей в одной «глобальной деревне». Вместе с тем, процесс глобализации парадоксальным образом сопровождается все более очевидным обострением проблем между различными регионами мира, приводящим к международным конфликтам и столкновению цивилизаций. Наиболее очевидна разница между развитым Севером и отсталым Югом, хотя иногда это противопоставление и кажется слишком схематичным. Это различие носит не только социально-

экономический характер, но и цивилизационный. Если мы говорим, например, что Север, то есть Европа и Северная Америка, в культурном отношении переживают эпоху постмодернизма, то это совсем не так для стран Африки и Азии, которые живут согласно иным культурным моделям.

Эпоха постмодернизма, начало которой принято относить к гуманитарной катастрофе двух мировых войн, засвидетельствовала реализацию предвидения Ф. Ницше о «смерти Бога»: процесс секуляризации, продолжавшейся в течение всего Нового времени, привел к тому, что в повседневном массовом сознании средних европейцев Бог перестал быть определяющим началом их жизни. Современный американский философ и богослов Т. Альтизер так определяет наше время в религиозном отношении: «Давно ушли в прошлое те периоды в нашей истории, когда было возможно иметь очевидное сознание Божества или нравственную уверенность в разумном Божественном промысле. Имя Божие уже не находится в центре жизни и знания, оно произносится на периферии, в тех пограничных ситуациях, в которых оказываются бессильными и знание, и опыт. Бог все больше становится для нас именем абсолютной и предельной тайны, тайны, в присутствии которой мы не можем ни действовать, ни говорить»[1].

Однако вместе со «смертью Бога» в массовом сознании мы наблюдаем и конец антропоцентризма. Если место Бога в центре мира в идеологиях Нового времени занял человек с его оптимистической верой в науку и прогресс, то трагический опыт XX века с бесчисленными человеческими жертвами положил конец этой оптимистической вере. Как писал Дитрих Бонхеффер, «абсолютный идеал свободы ведет человека к саморазрушению. В конце пути, по которому шли, начиная с Французской революции, находится нигилизм»[2]. Вместе с тоталитарными идеологиями, последней из которых оказался коммунизм, современный человек отрекается от какой-либо попытки объяснить мир, отрицает возможность самой истины. Таким образом, человек постмодернизма это разочарованный человек. Он отказался от каких-либо великих идей, ради которых можно было бы отдать свою жизнь. И жизнь теперь лишена глобального смысла. В центре вселенной современного человека находятся личная свобода и личные интересы, а главная его цель заключается в потреблении. Принцип удовольствия, которым руководствуется человек постмодернизма, пришел на смену религиозным и нравственным императивам.

Современный нигилизм как отрицание Бога, ограничивающего свободу человека, и в то же время отрицание человека, который отрекся от Бога во имя прогресса, не предлагает какой-либо альтернативы, а представляет собой пустоту. Эта пустота может и должна быть заполнена положительным содержанием, соответствующим новой эпохе. Наше время, по словам одного современного социолога, «оставляет открытой возможность возвращения религиозных ценностей в широком масштабе. Пустота без Бога может преобразиться в пустоту для Бога»[3].

Христианская альтернатива

Как показал опыт России и некоторых других стран Восточной Европы, которые долгое время находились под влиянием тоталитарной идеологии, христианство может предложить современному человеку, разочарованному в любых идеологических системах, реальную альтернативу и помочь открыть новый, подлинный смысл жизни. Одни люди, разочарованные в советских идеалах, просто стали следовать жизненным стандартам общества потребления, но многие другие пришли в Церковь, потому что нашли именно в Евангелии тот подлинный идеал, который заменил идеалы ложные. Этот конкретный опыт Русской Православной Церкви свидетельствует о том, что христианство способно ответить на самые насущные вопросы человеческого бытия, не отвергая достижений Нового времени, таких, например, как свобода человеческой личности и права человека, но возводя их к их христианским корням и сообщая им тем самым более высокое достоинство.

Напротив, глубоко ошибочным было бы стремление приспособить христианские истины к изменчивым представлениям современной эпохи под тем ложным предлогом, что такое приспособление будет способствовать христианской миссии. С сожалением приходится констатировать, что по этому пути пошли некоторые христианские исповедания. Привнося в жизнь своих общин явления типичные именно для постмодернизма и имеющие совершенно секулярную природу, они сами стали частью плюралистической культуры постмодерна и не способны предложить современному человеку подлинной духовной альтернативы.

Я хотел бы в самых существенных чертах отметить те основополагающие истины христианства, в которых, по моему глубокому убеждению, нуждается человек культуры постмодерна. Христианское учение не является отвлеченной идеологией, к которой так не расположен наш современник. Христианство предельно конкретно, потому что в центре его проповеди – Живая Личность, Богочеловек Иисус Христос. В Нем Божество и человечество пребывают в гармонии, без какого-либо ущемления человеческого начала. Со всей парадоксальной глубиной и радикальностью тайна Боговоплощения рассмотрена древними отцами Церкви: «вся тайна спасения, - по словам святого Кирилла Александрийского, - заключается в истощании и уничтожении Сына Божия». В кенозисе Бога человеческая свобода и человеческое достоинство, которые так дороги современному человеку, обретают высочайший смысл. Во Христе Божественная воля перестает быть внешним законом для человека, который становится свободным соратником Бога по преобразению мира. Таким образом, в христологии учение о человеке, его достоинстве и правах получает, наконец, свое полное раскрытие, и задача современной христианской миссии в странах Европы и Америки состоит как раз в том, чтобы донести до людей это учение.

Сила христианства в том, что оно не просто теоретически постулирует вышеуказанный принцип человеческой свободы во Христе, но реально переживает его в литургии. В общинной

литургической жизни человек находит альтернативу тому индивидуализму, который свойственен жизни современных городов. В Таинстве Евхаристии он каждый раз переживает соединение со Христом Воскресшим как источником нового бытия. В этом реальном, а не воображаемом, единстве человек получает способность не только жить в соответствии с христианскими ценностями, но и быть их носителем, а значит, самым действенным образом свидетельствовать о Христе окружающему миру. В высокотехнологичный век визуальных средств массовой информации уже не слова, а видимый пример приобретает силу убедительности в глазах наших современников.

Насколько этот пример будет действенным, зависит от всех христиан, призванных объединить усилия для того, чтобы жители европейского и американского континентов смогли заново открыть для себя вечную истину христианства.

Межхристианский диалог

В свете задач христианской миссии в современном мире отсутствие единства между христианами является скандалом для всего мира и для наших Церквей. Тем не менее, как положительное явление, нужно отметить развитие межхристианского диалога на различных уровнях и во многих сферах. Прежде всего, я хотел бы подчеркнуть перспективы православно-католического диалога. Новый импульс ему придало избрание на папский престол Бенедикта XVI – человека с очень острым и глубоким богословским умом, прекрасно знающего православную традицию и открытого к диалогу с Православными Церквями, человека, который много сделал и продолжает делать для единства христиан.

Наши взаимоотношения с Римско-Католической Церковью развиваются параллельно в нескольких направлениях. Во-первых, это продолжающийся в течение нескольких десятилетий богословский диалог, в ходе которого мы обсуждаем проблемы, нас разделяющие, в том числе такие, как уния и примат Римского епископа. Мы надеемся, что эта дискуссия поможет обеим сторонам понять, что путь к восстановлению единства лежит через возвращение к вере Церкви первого тысячелетия. И тогда существовали различия богословского, экклезиологического порядка, различия в обрядах, но христианам удавалось сохранить единство.

Хотелось бы, чтобы мы больше сотрудничали не только в богословской сфере, но и в тех областях, которые непосредственно касаются жизни наших верующих. Для многих из них богословский диалог представляется лишь академическими штудиями. Если мы будем обсуждать только богословские темы, которые разделяют нас и которые мы унаследовали от прошлого, нам не удастся достичь согласия в будущем. Существуют широкие возможности для сотрудничества в тех областях, которые нас уже объединяют. Ведь если говорить о православии и католичестве, нельзя не отметить, что у нас очень схожие социальные учения, а нравственные учения у православных и

католиков почти одинаковые. Мы очень многое можем говорить и делать вместе, не ожидая того момента, когда разделения между нами будут преодолены. Так, мы можем вместе говорить секулярному миру о традиционной христианской семье, о ценности человеческой жизни и недопустимости ее прерывания с момента зачатия в утробе матери до последнего дня.

Сегодня для Православной Церкви все труднее становится продолжать взаимодействие с различными протестантскими деноминациями. Мне очень горько об этом говорить, но сегодня те диалоги с протестантами, которые мы вели на протяжении нескольких десятилетий, находятся под угрозой из-за процессов, происходящих в протестантских общинах Запада и Севера. Я имею в виду продолжающуюся либерализацию в области богословия, экклесиологии и нравственного учения.

Мы все очень устали от красивых слов и заявлений. Нужно открыто говорить между собой о тех проблемах, которые нас беспокоят. Мы должны помнить о задаче, которая стоит перед нами, о необходимости христианского единства. Почему эта задача столь насущна? Потому что с каждым днем нашего разделения мы упускаем те возможности, которые могли бы иметь, если бы были едиными. Сегодня тысячи молодых людей уходят из жизни, потому что не поняли, зачем живут, а мы им этого не подсказали. Они умирают от наркотиков, алкоголя, СПИДа, и вместе мы могли бы сделать гораздо больше для них. Мы должны больше думать о реальных нуждах людей. Помимо проблем, связанных с часто агрессивной секуляризацией в странах Европы и Америки, все более неотложной становится проблема преследований христиан, которые происходят во многих регионах мира.

Гонения на христиан и христианофобия

В последнее время тревожным признаком нашей эпохи стал рост преследований на религиозной почве, в первую очередь христиан. В настоящий момент это страшное явление приняло характер вызова не только мировому христианству, но и всему цивилизованному человечеству вообще. Христиан ежедневно или притесняют в Египте, Ираке, Индии, Пакистане, Индонезии, некоторых других странах Азии и Африки. Помимо массовых потоков беженцев, о чем регулярно сообщают СМИ, налицо совершенно иная проблема, о которой они не хотят говорить – деградация общества, скатывающегося к первобытному состоянию ненависти и самоуничтожения.

Совет Европы принял в январе резолюцию по христианофобии, этому примеру последовали некоторые другие европейские государства, но как это повлияло на положение христиан в вышеупомянутых странах? Несмотря на беспрецедентную эскалацию насилия против христиан в Египте в начале октября, ни одна из стран Запада не оказала никакого давления на временные военные власти этого государства, не пригрозила экономическими санкциями. Кадры, потрясшие весь мир, когда в Каире военные на бронетранспортерах давили мирную коптскую демонстрацию,

стреляли в безоружных людей, остаются вне поля зрения политиков. Не получила адекватной оценки и речь египетского министра безопасности, отрицавшего факт применения оружия против митингующих коптов, ни появившаяся информация о фальсификации числа жертв и характера ранений. Церкви вправе спросить правительства своих стран: до каких пор? Почему экономические интересы в этих странах для них оказываются дороже, чем жизни тысяч ни в чем не повинных людей, которых убивают только из-за того, что они веруют во Христа?

Христианство, несмотря на раздробленность, сегодня обязано объединиться для защиты своих братьев и сестер, страдающих в различных регионах. Если этого не произойдет, мы еще больше утратим убедительность в глазах мира сего. Напротив, защищая своих по вере, мы укрепим свои позиции, станем сплоченнее, а значит ближе друг другу.

Сюда также относится и другое явление, которое обычно называют христианофобией. Западный секуляризм, несмотря на декларируемые плюрализм и толерантность, проявляет нетерпимость по отношению к христианству. Подпитываемый мощными денежными средствами, агрессивный секуляризм делает все, чтобы дискредитировать Церковь, стереть имя Христово из памяти народа, нивелировать принципы нравственности и культуры, сформированной христианством.

Агрессивный секуляризм берет под прицел все Церкви, невзирая на их богословские и обрядовые различия, он глумится над религиозным сознанием как таковым, высмеивает нравственность, пропагандируя этическую всеядность и индифферентизм. Потому нам сегодня как никогда требуется солидарность и сплоченность, активное взаимодействие и взаимная поддержка.

Перспективы и задачи

Как могут христиане сегодня противостоять подобным воззрениям и наступлению секуляризма? Священное Писание недвусмысленно свидетельствует об отступлении от Христа (2 Фес. 2,3), которое произойдет, но «во всех народах прежде должно быть проповедано Евангелие» (Мк.13, 10). Мы живем в эпоху отступления, апостасии, когда люди утрачивают веру и любовь, потому что их сердце более прилепляется к земным благам: комфорту, достатку, разнообразным наслаждениям. Что нам делать в такой ситуации?

Церковь не принадлежит миру сему, и ее миссию проповеди Евангелия нельзя оценивать по стандартам этого мира, то есть относительно успеха или проигрыша. Если число христиан, например, в Западной Европе сокращается, то их становится все больше в Африке, Азии, Латинской Америке и ряде стран Восточной Европы. Надо попытаться понять, что привлекает людей в христианстве в этих регионах, и сравнить с мотивацией тех европейцев, которые сегодня отходят от веры. Нам нужно иметь мужество признать, что западная цивилизация зашла в тупик в своем культурно-историческом развитии именно из-за отступления от христианства, из-за разрыва

с его ценностями. Мы разучились радоваться, мы считаем себя несчастливymi, потому что вектор наших интересов устремлен исключительно к земным вещам, которые, однако, в силу своей временности не способны доставить человеку ни счастья, ни радости, ни наслаждения.

Пример коптских и иракских христиан, за свою веру проливающих кровь и подвергающимся гонениям, служит нам, европейцам, лучшим назиданием. А ведь многим из них есть что терять, многие христиане в этих странах занимали видное положение, среди них были и есть богатые люди. Тем не менее, вера и идентичность для них имеют первостепенное значение. Многие из нас на рубеже 80-90-х годов прошлого века сомневались, что в республиках бывшего Советского Союза произойдет массовое обращение людей к вере отцов. Тем не менее, это случилось, и почему же? Убежден, что это произошло благодаря духовному подвигу новомучеников и исповедников Российских, оставшихся до конца верными Христу.

Итак, современная западная цивилизация все дальше заходит в тупик, из которого выбраться она не сможет при помощи ни науки, ни эффективного менеджмента, ни высоких технологий. Кризис общества – явление отнюдь не объективное, в его основе лежит духовный кризис личности, оставшейся без Бога со своими неразрешимыми проблемами и вопросами. Кризис личности – в сведении образа Божия в человеке к простой индивидуальности, что обезличило человека и сделало его абстрактной единицей общества с определенным набором потребностей. Христианское свидетельство, как луч света, должно пробиться сквозь толщу интеллектуальных нагромождений последних эпох, оно должно говорить о человеке-личности, о неповторимом характере каждого из нас, иными словами, вернуть человека на тот пьедестал, на который его поставило величайшее таинство Боговоплощения.

Перед христианами сегодня стоит насущная и кажущаяся невыполнимой задача: вывести из кризиса современную так называемую «постхристианскую» цивилизацию. История учит, что цивилизации складывались органически, путем творческого взаимодействия и сотрудничества конкретных личностей. Любую цивилизацию самым непосредственным образом определяла ее религия – мистическое устремление ее народа, охватывающее все сферы жизни общества. История не знает безрелигиозных цивилизаций. Нравственный импульс может иметь конкретное воплощение только в религиозной среде, ибо там находится его источник.

Христианские Церкви, в первую очередь Православная и Католическая, а также Древние Восточные Церкви, должны сегодня сплотиться и действовать сообща. Нам насущно необходимо создать содружество Церквей апостольской традиции, где мы будем вместе обсуждать проблемы и вызовы современного мира. Нужно также создавать совместные неформальные информационные структуры, которые будут объективно предоставлять свежую и проверенную информацию о событиях, имеющих для судеб Церкви и мира определяющее значение. Сегодня

недостаточно традиционных форм сотрудничества между Церквями, нам жизненно необходима воля к большему сближению, а начинать надо с наиболее важного – с совместных трудов по защите христиан и христианского наследия.

[1] Long gone are those periods in our history when it was possible to have an innate sense of the actual identity of God, or a moral assurance as to the purpose or providence of God. No longer is the name of God evoked at the center of life and understanding; it is now spoken only at the peripheries, in those boundary situations where understanding and experience break down. God has increasingly and ever more comprehensively become for us a name of total and ultimate mystery, a mystery in the presence of which we can neither act nor speak (T. J. J. Altizer, *The Descent into Hell. A Study of the Radical Reversal of the Christian Consciousness*, The Seabury Press, N.-Y. 1979, p. 98).

[2] L'ideale assoluto della liberazione conduce l'uomo all'autodistruzione. Alla fine della via per la quale ci si è incamminati con la rivoluzione francese si trova il nichilismo» (D. Bonhoeffer, *Etica*, Milano 1969, p. 86).

[3] Il nostro tempo “lascia aperta anche l'ipotesi di un ricupero su vasta scala dei valori religiosi... Il vuoto di Dio può trasformarsi in vuoto per Dio” (G. Morra, *Il quarto uomo. Postmodernità o crisi della modernità?* Roma 1996, p. 127)

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/55032/>